

УДК 316

**СОЦИАЛЬНОЕ
САМОЧУВСТВИЕ
И ПРОТЕСТНЫЙ
ПОТЕНЦИАЛ ЖИТЕЛЕЙ
РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА**

Волков Юрий Григорьевич

Доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
научный руководитель Института
социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: ugvolkov@sfedu.ru

Баженова Елена Юрьевна

Кандидат экономических наук,
доцент Института социологии
и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: ebazhenova@mail.ru

Барков Федор Александрович

Кандидат социологических наук,
докторант Института социологии
и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: barkovfedor@gmail.com

**SOCIAL WELL-BEING
AND PROTEST POTENTIAL
OF THE ROSTOV REGION
RESIDENTS UNDER
THE CONDITIONS
OF CRISIS**

Volkov Yury G.

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Honored Science Worker
Institute of Sociology
and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: ugvolkov@sfedu.ru

Bazhenova Elena Yu.

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: ebazhenova@mail.ru

Barkov Fedor A.

Candidate of Sociological Sciences,
Institute of Sociology
and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: barkovfedor@gmail.com

Сериков Антон Владимирович

Кандидат социологических наук,
доцент Института социологии
и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: aserikov@inbox.ru

Serikov Anton V.

Candidate of Sociological
Sciences, Associate Professor,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: aserikov@inbox.ru

Статья посвящена изучению повседневности и социального самочувствия жителей Ростовской области на основе проведенного исследования. Исследование построено на инструментарии и методологии, разработанных Институтом социологии РАН, что обеспечило сравнимость полученных данных для общероссийского и регионального уровней. Интерпретация полученных результатов содержит в себе понимание специфики регионального социума, знание условий и контекста, в котором развивается Ростовская область. Благодаря этому реализованный проект несёт элементы научного поиска и научной новизны. Авторы рассматривают социальное самочувствие жителей региона, их реакцию на западные санкции и протестный потенциал в динамике последних лет.

Ключевые слова: российская повседневность, санкции, кризис, социальное самочувствие, удовлетворенность жизнью, Ростовская область, протестные настроения, региональное развитие.

The article is devoted to the study of everyday life and social well-being of the Rostov region inhabitants on the basis of conducted study. The study is based on the tools and methodology developed by the Institute of Sociology RAS. It allows to compare the data for the all-Russian and regional levels. The results interpretation provides understanding of the specifics of regional society, the knowledge about conditions and context for the Rostov region development. It brings the elements of scientific research and scientific novelty to the implemented project. The authors examine the region inhabitants' social wellbeing, their response to Western sanctions and protest potential in the dynamics of recent years.

Keywords: Russian everyday life, sanctions, crisis, social well-being, life satisfaction, Rostov region, protest moods, regional development.

Современные отечественные учёные отмечают, что социальная реальность российского общества претерпевает существенные изменения. В первую очередь это прослеживается в отношении к базовым социальным институтам – семье, труду, образованию, власти. Происходит становление нового социокультурного механизма формирования отношения к изменяющейся социальной реальности, и очень важное место в этом процессе занимают такие его факторы, как жизненные интересы, ценностные ориентации. Повседневность человека складывается из совокупности регулярных социальных практик, направленных на создание условий комфортного существования. Комфортные условия жизнедеятельности напрямую зависят от осознания степени важности тех или иных жизненных ориентиров. В условиях продолжающегося в России экономического кризиса оценка респондентами

своего социально-экономического положения является важнейшей составляющей их социального самочувствия. В значительной мере от фактора социально-экономического положения, которое включает и его субъективную оценку, зависят политическая устойчивость и способность государства и общества быть консолидированными, поступательно развиваться, эффективно противостоять угрозам [1].

В представляемой статье приведены результаты реализации поискового социологического проекта, который был инициирован Институтом социологии Российской академии наук (под руководством академика М.К. Горшкова), – «О насущных вопросах нашей жизни», реализованного в рамках плановой темы «Изучение динамики изменений социально-экономической и социально-политической ситуации в регионах Южного федерального округа». Цели данного исследования, которое реализовал Южнороссийский филиал ИС РАН, заключались в поиске отличительных, характерных для Ростовской области тенденций, а также одновременном дополнении тех данных, которые были получены за последние годы в ходе реализации ряда значимых социологических проектов. Речь, прежде всего, идёт о таких крупных исследовательских проектах, реализованных учёными Южнороссийского филиала Института социологии РАН, как «Двадцать лет реформ глазами жителей Ростовской области» [2], «Казачество как этносоциальный феномен современной России» [3], «О чем мечтают жители Ростовской области» [4], «Патриотическое воспитание молодежи в Ростовской области» [5], «Социальное самочувствие и социальное неравенство в Ростовской области» [6] и др.

В рамках данного исследования авторы попытались осуществить поиск отличительных, характерных для Ростовской области особенностей социально-экономического положения и влияния его изменения на массовые оценки социальных перемен в стране, включая динамику ценностных ориентаций, мировоззренческих и нравственных ориентиров в контексте новых реалий, а также определение отношения жителей региона к введенным против России западным санкциям и изучение воздействия наиболее острой фазы экономического кризиса на повседневную жизнь населения.

В наиболее общем виде социальное самочувствие населения связано с оценками людьми их жизни в данный момент времени или за более длительный период времени. Эти самооценки включают эмоциональные переживания и отношение людей к произошедшим событиям, когнитивные суждения респондентов о степени удовлетворённости своей жизнью, семьёй, работой. Социальное самочувствие населения является одним из важнейших показателей эффективности социальной по-

литики государства, а также важнейшим индикатором отношения большинства народа к властным субъектам. Регулярные измерения этого показателя позволяют дополнить оценки эффективности социальной политики, оценить её влияние на социально-психологическую атмосферу в обществе и массовые настроения населения. В определённом смысле социальное самочувствие наряду с экономическими (например, величина дохода) и социальными (например, продолжительность жизни) индикаторами, служит мерой качества жизни индивида и общества. Вместе с тем понятие «социальное самочувствие» акцентирует внимание на субъективной, рефлексивной стороне восприятия реальности индивидами, социальными группами и общностями, а поэтому не должно интерпретироваться как объективный, интегрирующий показатель благополучия и социальной устроенности. Самочувствие определяется сравнением своих ожиданий с возможностями их реализации и формируется под влиянием ряда побочных объективных и субъективных обстоятельств жизни респондентов, которые образуют многоуровневую систему факторов (социетального, глобального, регионального, индивидуального уровней), интегрально влияющих на самочувствие населения. Кроме того, на характер восприятия действительности и оценки своих возможностей в реализации ожиданий большое влияние оказывают разнообразные коммуникативные процессы: официальные и повседневные, обмен впечатлениями, мнениями и оценками явлений социальной реальности на бытовом уровне.

Операционализация понятия «социальное самочувствие», его адаптация для эмпирических исследований позволяет заключить, что в основе социального самочувствия находится оценка респондентами качества своей жизни в целом, материального благополучия своей семьи, а также экономической и политической ситуации в стране, регионе.

Вопрос об оценке ситуации в стране в целом многоаспектный. Он включает личностный уровень или самоощущение респондентов и их личные переживания, которые накладываются на определённые тренды массового сознания и различные виды информационного воздействия. Полученные результаты можно интерпретировать следующим образом. Несомненно, происходят нарастание тревожности и восприятие ситуации как кризисной. В корреляции только с областным уровнем оценки текущего положения вещей мы видим более высокий процент тех, кто считает ситуацию напряжённой и кризисной, – 53,5 % респондентов. Такой более высокий процент, чем по Ростовской области, в коррелирующих вопросах говорит о роли информационного фактора, когда респонденты опираются не только на свои личные наблюдения, но и на негативную информацию о том, что происходит в

других регионах. Вместе с тем доля респондентов, которые считают ситуацию не просто сложной, а катастрофической, относительно невелика – 7,6 %. Значительны доли оптимистов, которые оценивают ситуацию в стране как нормальную и спокойную, – 27,4 % и тех респондентов, которые не определились, – 11,5 %. В данных условиях неопределённость с оценкой положения в стране позволяет скорее отнести данных респондентов к группе оптимистов, поскольку те, кто считает положение в стране сложным или опасным, однозначны в своих суждениях.

Следующий вопрос относится уже к оценке респондентами динамики происходящих в стране перемен (табл. 1).

Таблица 1

Ответы на вопрос «Как Вы оцениваете перемены, произошедшие в России за последний год?», %

Ответы	%
1. Произошли значительные перемены к лучшему	10,2
2. Произошли некоторые перемены к лучшему	25,5
3. Произошли некоторые перемены к худшему	30,6
4. Произошли значительные перемены к худшему	22,3
5. Никаких перемен не произошло	11,4

Оценка динамики изменений в принципе коррелирует с характером данной оценки текущего положения в стране, но даёт возможность уточнить ряд деталей. Во-первых, мы можем дифференцировать группы как оптимистов, так и пессимистов. Большинство склоняется к достаточно умеренным оценкам и отмечает незначительные некоторые перемены к лучшему (25,5 %) и некоторые перемены к худшему (30,6 %) с перевесом тех, кто оценивает положение скорее негативно. Вызывает тревогу другой аспект. Доля респондентов, которые отмечают резко отрицательную динамику, составляет 22,3 %, тогда как тех респондентов, которые говорят о значительных переменах к лучшему, не больше 10,2 %. Стоит признать, что объективны те, кто рационально воспринимает реальность кризиса, но оптимистично настроенные граждане создают тот моральный фон в обществе, который может помогать преодолевать объективно существующие трудности и поддерживать социальную и политическую стабильность, однако число таких граждан снижается.

С вопросом о динамике уже произошедших событий связана прогностическая часть исследования, в которой респондентам предла-

гается высказать своё мнение относительно характера дальнейшего развития событий и изменения положения в стране (табл. 2).

Таблица 2

Ответы на вопрос «Как Вы оцениваете перспективы развития России в ближайший год?», %

Ответы	%
1. Страна будет развиваться успешно	30,3
2. Страну ждут трудные времена	42,0
3. Ничего принципиально не изменится	27,7

Здесь мы снова возвращаемся к разделению на пессимистов и оптимистов. Из общего числа респондентов почти треть (30,3 %) уверена в успешном развитии страны. Следует отметить повышенный оптимизм в этом вопросе жителей Дона: общероссийские данные показывают, что в 2015 г. такую же уверенность высказывают лишь 19 % респондентов. Это, скорее всего, те же люди, которые говорят о незначительности роли санкций и о том, что сложности в экономике и социальной сфере их не затронули. Большинство же (42 %), наоборот, считает, что сложности реальны, страну и в дальнейшем будут ждать трудные времена. Общероссийские данные Института социологии РАН также показывают большую цифру – 59 % респондентов склонны к пессимистическим ожиданиям в отношении будущего страны. Данная часть респондентов не верит в заверения властей о временных сложностях, потенциале для преодоления структурно-институционального экономического кризиса и в потенциал страны противостоять внешнему давлению в виде экономических и политических санкций.

То, как респонденты видят и оценивают мир вокруг себя и своё окружение, определяют в нём своё место, самым непосредственным образом влияет на оценку ими источника и характера угроз (табл. 3).

Таблица 3

Ответы на вопрос «С каким из нижеприведённых суждений о характере угроз для России Вы согласны в большей степени?», %

Ответы	%
1. Основные угрозы для России исходят из-за рубежа	51,3
2. Основные угрозы для России находятся внутри страны	23,4
3. Затрудняюсь ответить	25,3

Так, при выборе наиболее адекватных, по мнению опрашиваемых, суждений относительно характера возникающих перед Россией угроз большинство респондентов (51,3 %) однозначно говорят об их зарубежном происхождении. Это в определённой мере свидетельствует о наличии на данный момент у российского общества мобилизационного потенциала и косвенно – о потенциальной готовности поддерживать власти в борьбе с внешней угрозой. Те респонденты, которые считают, что основные угрозы находятся внутри страны (23,4 %), как правило, находятся ближе к различным группам оппозиции, а не власти.

Внутренние угрозы связываются в первую очередь с неэффективным управлением, коррумпированностью управляющих элит, ошибками социальной и экономической политики, противопоставлением во внешней политике России ведущим странам Европейского союза и США. Примерно четверть опрошенных (25,3 %) вообще относится к категории неопределившихся. Это говорит о том, что данная категория респондентов старается жить своей жизнью, решать сугубо текущие задачи и не рассуждать, что стало причиной возникших проблем: внешнее давление или неэффективность российской власти.

Важным аспектом для определения социального самочувствия населения и видимых им перспектив дальнейшего развития ситуации является оценка текущего материального положения и перспектив его изменения (данные отражены в табл. 4).

Таблица 4

**Оценка респондентами своего материального положения
и перспектив его изменения**

Ответы	%
<i>Как изменилось Ваше материальное положение за последний год?</i>	
1. Улучшилось	20,9
2. Ухудшилось	36,7
3. Осталось без изменений	42,4
<i>А как Вы оцениваете свои перспективы в этом плане на ближайший год?</i>	
1. Должны улучшиться	39,9
2. Скорее ухудшатся, чем улучшатся	23,4
3. Останутся без изменений	36,7

Оценка экономических возможностей и предполагаемого изменения уровня благосостояния выглядит, несмотря ни на что, достаточ-

но оптимистично. Несмотря на преобладание респондентов, считающих, что их материальное положение ухудшилось (36,7 %), в целом у опрошенных далеко не пессимистичные оценки будущего. Так, процент респондентов, которые ожидают улучшения своего благосостояния, даже выше, чем доля тех, у кого оно реально уже улучшилось, – 39,9 % против 20,9. Ростовская область в этом вопросе показывает больший оптимизм, чем Россия в целом. Расхождение в той группе, положение которой улучшилось, составляет 10 % в пользу Ростовской области. Так же в Ростовской области на 10 % меньше тех респондентов, у которых экономическое положение стало хуже. Если брать для сравнения данные всероссийского опроса, то количество респондентов, ожидающих ухудшения своего положения, в Ростовской области будет ниже – 23,4 против 37 % в общероссийском опросе.

Даже та часть опрошенных, у кого материальное положение уже ухудшилось (36 %), в будущее смотрит с определённым оптимизмом, о чём свидетельствует относительно меньший удельный вес респондентов с негативными ожиданиями в отношении будущих изменений (23,4 %). Довольно высока при этом доля тех, кто не склонен видеть каких-то изменений ни в отношении прошлого (42,2 %), ни в будущем (36,7 %). При этом, как мы видим из распределения, опрошенные с большим оптимизмом смотрят в будущее.

Давая общую качественную оценку результатам опроса, можно отметить некоторую противоречивость анализируемых данных, которая напрямую связана с нестабильным и противоречивым характером самого современного общества. По одним вопросам респонденты готовы демонстрировать оптимизм и положительные ожидания, по другим – давать ответы, диаметрально противоположные предыдущим. Это является следствием возникшей, в том числе и под влиянием кризиса, ситуации растерянности и ослабления способности мыслить последовательно. Существующие угрозы и опасения не дают возможности в современных условиях выработать какую-либо общую шкалу ценностей и жизненных ориентиров.

Весь 2014 г. во многом именно внешнеполитическая ситуация определяла и умонастроения россиян, и их отношение к власти, отодвинув на второй план традиционные заботы, связанные с социальными и экономическими проблемами. Но уже в первые месяцы 2015 г. наше восприятие происходящего стало меняться, и прежде всего под влиянием экономического кризиса, последствий введенных против России санкций и встречных антизападных мер [7]. Поэтому по своим перспективам вопрос о влиянии кризиса на повседневную жизнь жителей Ростовской области представляется очень важным. На момент

проведения опроса кризисные явления ещё не сказались в полной мере, но уже можно говорить об определенных промежуточных оценках, которые фиксируют современное положение.

Из данных исследования можно сделать следующие выводы. Кризис явно чувствуется и начинает непосредственно оказывать свое влияние на экономическое положение жителей Ростовской области. Результаты опроса показывают, что 49,4 % респондентов считают свой экономический ущерб значительным по причине быстрого роста цен, причём ущерб ими оценивается как очень значительный. Это может свидетельствовать о начале серьёзных изменений в стратификации населения региона, роста такой его категории, как бедные. Однако доля таких респондентов значительно ниже, чем в целом по России, где на проблему роста цен и связанное с ним падение собственного жизненного уровня указывают 70 % респондентов.

На втором месте (32,7 %) находится категория населения, жизнь которой также ухудшилась, но которая видит причину своих проблем в тех трудностях, с которыми столкнулось предприятие, на котором опрашиваемые работают. Этот процент выше, чем в целом по России, где респонденты, относящиеся к этой категории, составляют 20 %. Экономика Ростовской области воспринимается работающим населением как уязвимая в условиях кризиса, и ожидания отличаются негативным характером на фоне общероссийских данных.

Из числа других причин, с которым респонденты связывают ухудшение своего благосостояния и условий жизни, нужно упомянуть «вернувшиеся» из ранних 1990-х гг. задержки заработной платы. Так, 11,5 % респондентов Ростовской области указывают, что столкнулись с задержками заработной платы на срок больше одного месяца, по России значимость этой проблемы указали только 5 % респондентов. Также в Ростовской области оказалась более актуальна, чем на общероссийском уровне, проблема ипотечных валютных кредитов. На значимость данной проблемы указывают 9 % респондентов, общероссийские данные показывают 2 %.

Общественную значимость начинает приобретать проблема девальвации сбережений. Так, на неё в качестве важной причины падения жизненного уровня указывают 15,4 % респондентов. Более неблагоприятно, чем в целом по стране, обстоит дело и с такой категорией респондентов, которые сами лично не пострадали от последствий кризиса, но пострадали их близкие, и это оказало на них косвенное влияние, их насчитывается 26,9 %. По России в целом это 17 % респондентов. Социологические данные показывают, что пока в Ростовской области удаётся в большей степени контролировать ситуацию с потреби-

тельскими ценами, но остальные показатели говорят о более негативном положении, чем общероссийский фон.

Не проиграли от экономического кризиса в общей сложности 19 % респондентов Ростовской области. Из них 3,8 % получают зарплату или в иностранной валюте, или в ее рублевом эквиваленте с индексацией соответствующей разницы официального курса иностранной валюты к рублю. Из числа «непроигравших» респондентов 15 % говорят о том, что не пострадали от кризиса по каким-либо иным причинам. Здесь картина Ростовской области более оптимистична, чем общероссийские данные. В России в целом не проиграли по различным причинам от кризиса 10 %, а по причине более высокой зарплаты или зарплаты в валюте – 1 %. Можно говорить о наличии существенного разрыва между различными категориями респондентов: теми, которые начали терять свой привычный жизненный уровень, и теми, чьи доходы на настоящем этапе от кризиса не уменьшились, кто имеет в различных вариантах «подушку безопасности».

С предыдущим вопросом коррелирует восприятие влияния экономических санкций Европейского союза и США на экономическое развитие России. В этом отношении мнения респондентов разделились, и этот вопрос высвечивает большую степень поляризации общества. Пока преобладают оптимисты, не верящие в возможность большого негативного влияния санкций на жизнь в стране, их доля – 46,2 % от общего числа респондентов. Более того, в кризисе они видят потенциальный источник развития общественного производства. Эта логика находится в русле официальной политики и соответствует транслируемым через СМИ установкам. Другая существенная часть респондентов (41,1 %) считает положение более серьезным и склоняется к мысли о том, что санкции оказывали и будут в дальнейшем оказывать серьезное негативное влияние на жизнь в стране. Но при этом они не превысят определённого «болевого порога», и их можно будет вытерпеть. Для 12,7 % ситуация выглядит катастрофической. По мнению этих респондентов, санкции разрушают экономику России и ее социальный строй. Российская сторона, как они считают, должна пойти на любые уступки Западу и добиться отмены санкций. Эти данные в принципе соответствуют общероссийским, расхождение заметно только в количестве респондентов, которые видят сложившееся положение в самом мрачном свете. Общероссийские данные показывают в этом отношении 14 %.

Есть опасность, что некоторое разочарование населения России или конкретных регионов может быть трансформировано в те или иные протестные проявления. В целом в России за последние 20 лет

масштабными проявлениями протестной активности в России были шахтерские забастовки 1991 г., «рельсовая война» 1998 г., выступления против монетизации льгот в 2005 г., а также имевшая цель «расшатать» основы легитимности политического режима протестная волна 2011–2012 гг. В ней проявился целый ряд, как это принято говорить, парадигматических сдвигов: 1) активизация новой социальной базы протестного движения, так называемого креативного класса [9]; 2) повышение роли интернет-ресурсов, в том числе социальных сетей и других подобных сервисов, в процессе вовлечения в протестную активность и мобилизации широких масс, а также в процессе формирования общественного мнения по поводу причин и форм проявления протестной активности [10]; 3) общий разворот протестной активности от социально-экономических требований (хотя и они остаются актуальной причиной проявления протестной активности) к политической тематике – требованиям демократизации политической системы, обеспечения честности и прозрачности выборов, выборности губернаторов и т. д. [11].

Протест на Юге России в целом выглядит достаточно специфично на общероссийском фоне. Социально-экономическое пространство Юга России характеризуется достаточно высоким уровнем социальной напряженности. Близость Северного Кавказа и украинских территорий, охваченных военными действиями, оказывает давление на протестный потенциал и в Ростовской области, прежде всего через актуализацию социальных проблем, связанных с нарастанием миграции, недостаточной адаптацией мигрантов к условиям и требованиям принимающего сообщества [12].

В целом же спектр причин проявления протестной активности в региональном социуме достаточно широк – от социально-экономического неравенства, ущемления прав и интересов отдельных социальных групп (например, льготников, чернобыльцев, участников долевого строительства и т. п.) до гуманитарно-экологических (протесты против строительства промышленных или инфраструктурных объектов, разработки месторождений).

Важнейший фактор мобилизационного потенциала протестной активности – это возможность солидарных взаимодействий, которые быстрее складываются между теми агентами, которые рассматривают друг друга в качестве социально близко ранжированных групп, могут достичь консенсуса в отношении целей действия, поведенческих стратегий и общего контрагента. Наиболее характерные черты региона в этом смысле связаны с имеющимся набором социальных сил и агентов, способных сыграть активную роль в мобилизации протеста

(например, общественное казачество в Ростовской области, радикальные молодежные группировки и т. п.).

Одним из существенных факторов и индикаторов протестной активности в регионе является легитимность протестных акций как вида политической активности в общественном сознании – признание за протестами права на существование, а за людьми – права на протесты. Легитимность протестной активности является индикатором сложившейся конфигурации типов гражданской и политической культуры в обществе и выступает в качестве важнейшей предпосылки социально-политической трансформации. О ситуации с данным индикатором применительно к Ростовской области свидетельствует распределение ответов на вопрос о том, как жители области относятся к разного рода стихийным общественным выступлениям – протестным акциям, митингам, шествиям, сидениям и т. п.

В структуре общественного мнения Ростовской области по поводу отношения к протестным акциям проводившиеся ранее исследования достаточно четко выявляли три примерно равновеликие группы [13]:

- 1) в целом положительно относятся к протестным акциям (около 30 %);
- 2) индифферентно относятся к протестам (до 35 %);
- 3) в целом относятся к протестным акциям отрицательно (около 35 %).

Подобная структура ответов свидетельствует о том, что в региональном сообществе сложились не только группы с различными оценками и взглядами, но и о том, что социальные условия, формирующие данные группы, носят достаточно устойчивый характер и связаны, скорее всего, с социально-экономическим неравенством, неравенством доступа к различным социальным ресурсам. Корреляционный анализ данных, полученных в 2012 г., позволил прийти к выводу о том, что легитимность социального протеста в регионе связана с двумя группами факторов. Во-первых, с уровнем социально-экономического развития и качества жизни, наличием нерешенных проблем в данном типе поселения (транспортное сообщение, медицинское обслуживание, коррупция и т. п.). Во-вторых, с наличием у населения определенных ожиданий и запросов относительно должного или желаемого качества жизни.

В целом же большинство опрошенных (53 %) полагало, что в современных условиях акции протеста – это не что иное, как способ «достучаться до власти» [13, с. 76]. Последствия распространения подобной оценки – достаточно серьезные, и связаны они с дефицитом институциональных механизмов обратной связи с публичной властью,

что нередко обыгрывается отдельными силами как обоснование радикальных политических требований и изменений.

Исследователи ИС РАН говорят о формировании «новой социальной реальности», в качестве социального контекста интерпретации полученных данных рассматривают, прежде всего, гипотезу о вхождении в очередной экономический кризис, с характерными для таких периодов экономического спада падением уровня доходов и ростом безработицы. Так, ученые ИС РАН отмечают характерную для 2015 г. примету – уровень протестных настроений почти в 2 раза ниже, нежели это было в «период предыдущего кризиса 2008 г.». Второй важной особенностью, характерной для российской политической культуры, является низкое доверие таким институциональным каналам влияния на качество жизни, как профсоюзные организации и политические партии. На фоне прочих адаптационных стратегий они фактически выглядят маргинальными и наивными.

Сопоставляя в целом характер распределений ответов по региону и по стране, можно вновь отметить (это уже делалось в целом ряде исследований ЮРФИС РАН) относительно более высокий адаптационный потенциал населения Ростовской области. Говоря об этом, мы имеем в виду превышение примерно на 20 п.п. при опросе в регионе доли респондентов, которые будут искать дополнительные источники заработка в ситуации заметного ухудшения условий жизни. Если при общероссийской выборке мы имеем чуть менее 40 % сторонников данной адаптационной стратегии, то при выборке по Ростовской области – уже чуть менее 60 %.

Данное расхождение можно рассматривать и в другом ключе – как свидетельство дефицита иных адаптационных стратегий, однако сопоставление рейтинга прочих позиций с общероссийскими показателями не дает такого заметного расхождения. Данный факт, пожалуй, говорит именно о характерной особенности экономического менталитета населения южного региона. Разумеется, у рассматриваемого факта, который в силу имеющихся мониторинговых данных можно считать проявлением определенной тенденции, имеются и структурные причины: относительно более высокая доля неформальной или серой экономики, благоприятные условия для самозанятости в личном подсобном хозяйстве и мелкотоварном сельскохозяйственном производстве, наконец, особенности менталитета населения южного региона.

Так или иначе, но вопрос о протестных настроениях в регионе действительно самым тесным образом переплетается с вопросом об адаптивном потенциале населения. В этом контексте отметим и уменьшившуюся готовность населения Ростовской области к внешней

эмиграции – в другую страну, и увеличившуюся готовность к внутренней миграции в поисках лучших условий жизни. Вероятно, данные изменения также находятся в русле общих тенденций к охлаждению отношений со странами Запада вследствие их изоляционистской и санкционной политики сдерживания в отношении Российского государства [14, с. 317]. С другой стороны, следует отметить более высокую миграционную готовность населения региона по сравнению со средне-российскими показателями.

Вообще следует отметить, что в регионе в настоящее время численность категории населения, готового отстаивать свои права с оружием в руках, хотя и в пределах погрешности, но превышает долю тех, кто выбирает институциональные, если так можно выразиться, способы протестного действия. Следует отметить, что сторонники радикальных мер – это особая категория. Во-первых, это люди с обостренным чувством справедливости, которое играет едва ли не ведущую роль в мотивации протестных действий, во-вторых, это максималисты и зачастую идеалисты. Указанные особенности накладывают определенные требования на работу с подобной аудиторией, поскольку показатель 7 % хотя и репрезентирует маргинальную группу, но все же является достаточно значимым с точки зрения наличия радикализованного ядра в региональном сообществе. При этом следует отметить, что радикальные способы борьбы за свои права есть в известном смысле следствие сужения горизонта адаптационных возможностей, выталкивания отдельных категорий граждан в зону фрустрации социальных потребностей.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что на сегодняшний день на региональном уровне общество нуждается не только в стабильных и эффективных политических институтах, но и в эффективных и доступных каналах социальной адаптации к изменяющейся экономической конъюнктуре. В настоящее время продолжает сохраняться тенденция, при которой, несмотря на все попытки придать социальному протесту в России политическое звучание, направить его на подрыв легитимности основных институтов государства, массовый протестный потенциал оказался лишь ограниченно политизирован. Главным образом он артикулируется в терминах социально-экономических претензий, раздражением невосприимчивостью власти к запросам общества, недовольством возможностями социальной мобильности и равенством доступа к социально-экономическим ресурсам.

В условиях санкционного режима, волатильности курса национальной валюты и трудностей восстановления экономического роста характер протестных драйверов должен особенным образом учиты-

ваться региональной политической элитой, органами управления с тем, чтобы не допустить его политизации и радикализации. Здесь необходим как настойчивый мониторинг потенциальных зон риска – социальных групп, испытывающих депривационные эффекты с наибольшей силой, так и построение эффективной системы адаптационных возможностей – от традиционных мер адресной поддержки населения или системообразующих предприятий до создания больших возможностей для малого предпринимательства, мелкотоварного сельхозпроизводства и пр. Несмотря на обозначенную выше специфику, данные, полученные в ходе исследования Ростовской области, в большей степени совпадают с тенденциями, отмеченными в ходе общероссийского исследования Института социологии РАН [15]. Как показывает многолетняя практика проведения региональных исследований по общероссийским инструментариям, которую реализует Южнороссийский филиал ИС РАН, подобные сравнения и анализ имеют большое значение как для выявления закономерностей развития и особенностей отдельных регионов, так и для уточнения оценок и выводов по общероссийским данным [16]. В свою очередь, полученные результаты исследования могут быть использованы в качестве аналитического материала для разработки стратегий и программ социально-экономического развития Ростовской области.

Литература

1. Шевченко О.М., Васьков М.А., Волков Ю.Г., Лубский А.В., Добаев И.П., Барков Ф.А., Баженова Е.Ю., Дайкер А.О., Черноус В.В., Сериков А.В. Черноморско-Каспийский регион: вызовы и угрозы национальной безопасности России в условиях геополитической, георелигиозной и геоэкономической конкуренции. Ростов н/Д., 2015. 258 с.
2. Волков Ю.Г., Черноус В.В., Сериков А.В., Барков Ф.А., Гвинтовкин А.Н., Барбашин М.Ю. Ростовская область: двадцать лет реформ глазами жителей // Гуманитарий Юга России. 2012. № 1. С. 52–61.
3. Сериков А.В., Барков Ф.А. Феноменологическая реконструкция маркеров групповой идентичности донских казаков // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 7. С. 42–49.
4. Волков Ю.Г., Барбашин М.Ю., Барков Ф.А., Верещагина А.В., Посухова О.Ю.,

References

1. Shevchenko O.M., Vas'kov M.A., Volkov Yu.G., Lubskiy A.V., Dobaev I.P., Barkov F.A., Bazhenova E.Yu., Dayker A.O., Chernous V.V., Serikov A.V. Chernomorsko-Kaspiyskiy region: vyzovy i ugrozy nacional'noy bezopasnosti Rossii v usloviyah geopoliticheskoy, georeligioznoy i geoeconomicheskoy konkurencii. Rostov n/D., 2015. 258 s.
2. Volkov Yu.G., Chernous V.V., Serikov A.V., Barkov F.A., Gvintovkin A.N., Barbashin M.Yu. Rostovskaya oblast': dvadcat' let reform glazami zhiteley // Gumanitariy Yuga Rossii. 2012. № 1. S. 52–61.
3. Serikov A.V., Barkov F.A. Fenomenologicheskaya rekonstrukciya markerov gruppovoy identichnosti donskih kazakov // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2014. № 7. S. 42–49.
4. Volkov Yu.G., Barbashin M.Yu., Barkov F.A., Vereschagina A.V., Posukhova O.Yu.,

- Сериков А.В., Черноус В.В.* О чем мечтают россияне и жители Ростовской области: сравнительный анализ результатов социологического исследования // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2012 / отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 11. М.; СПб., 2012. С. 337–366.
5. *Барков Ф.А., Сериков А.В., Черноус В.В.* Патриотическое сознание молодежи Ростовской области // Гуманитарий Юга России. 2013. № 2. С. 58–76.
6. *Волков Ю.Г., Барков Ф.А., Посухова О.Ю., Сериков А.В., Черноус В.В.* Социальное самочувствие и социальное неравенство в Ростовской области // Гуманитарий Юга России. 2013. № 4. С. 12–32.
7. *Шаталова Н.* Это наши трудности? Социологи изучили влияние кризиса на россиян // Официальный сайт еженедельной газеты научного сообщества «Поиск». 2010. URL: <http://www.poisknews.ru/theme/science/14789/> (дата обращения: 10.06.2013).
8. *Дискин И.* России нужна консервативная модернизация! // Официальный сайт газеты «Известия». 2014. URL: <http://izvestia.ru/news/580205> (дата обращения: 09.11.2015).
9. *Райбман Н.* Сурков: Нужно создать партию для раздраженных горожан // Официальный сайт газеты «Ведомости». 2014. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/1444694/surkov_nuzhno_sozdat_partiyu_dlya_razdrzhennyh_gorzhan (дата обращения: 10.11.2015).
10. *Ваньке А., Ксенофонтова И., Тартаковская И.* Интернет-коммуникации как средство и условие политической мобилизации в России (на примере движения «За честные выборы») // INTER. 2014. № 7. С. 5–12.
11. *Мамонтов М.В.* Протестная активность россиян в 2011–2012 гг.: основные тренды и некоторые закономерности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1 (107). С. 5–22.
12. *Сериков А.В.* Экстремизация и протестная активность донской молодежи (анализ результатов социологического исследования) // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 11. С. 123–129.
- Serikov A.V., Chernous V.V.* O chem mechtayut rossiyanе i zhiteli Rostovskoy oblasti: sravnitel'nyy analiz rezul'tatov sociologicheskogo issledovaniya // Rossiya reformiruyuschayasya : Ezhegodnik-2012 / otv. red. M.K. Gorshkov. Vyp. 11. M.; SPb., 2012. S. 337–366.
5. *Barkov F.A., Serikov A.V., Chernous V.V.* Patrioticheskoe soznanie molodezhi Rostovskoy oblasti // Gumanitariy Yuga Rossii. 2013. № 2. S. 58–76.
6. *Volkov Yu.G., Barkov F.A., Posukhova O.Yu., Serikov A.V., Chernous V.V.* Social'noe samochuvstvie i social'noe neravenstvo v Rostovskoy oblasti // Gumanitariy Yuga Rossii. 2013. № 4. S. 12–32.
7. *Shatalova N.* Eto nashi trudnosti? Sociologi izuchili vliyanie krizisa na rossiyan // Oficial'nyy sayt ezhenedel'noy gazety nauchnogo soobshchestva «Poisk». 2010. URL: <http://www.poisknews.ru/theme/science/14789/> (data obrashheniya: 10.06.2013).
8. *Diskin I.* Rossii nuzhna konservativnaya modernizaciya! // Oficial'nyy sayt gazety «Izvestiya». 2014. URL: <http://izvestia.ru/news/580205> (data obrashheniya: 09.11.2015).
9. *Raybman N.* Surkov: Nuzhno sozdat' partiyu dlya razdrzhennyh gorozhan // Oficial'nyy sayt gazety «Vedomosti». 2014. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/1444694/surkov_nuzhno_sozdat_partiyu_dlya_razdrzhennyh_gorzhan (data obrashheniya: 10.11.2015).
10. *Van'ke A., Ksenofontova I., Tartakovskaya I.* Internet-kommunikacii kak sredstvo i uslovie politicheskoy mobilizacii v Rossii (na primere dvizheniya «Za chestnie vybory») // INTER. 2014. № 7. S. 5–12.
11. *Mamontov M.V.* Protestnaya aktivnost' rossiyan v 2011–2012 gg.: osnovnye trendy i nekotorye zakonomernosti // Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskije i social'nye peremeny. 2012. № 1 (107). S. 5–22.
12. *Serikov A.V.* Ekstremizaciya i protestnaya aktivnost' donskey molodezhi (analiz rezul'tatov sociologicheskogo issledovaniya) // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2012. № 11. S. 123–129.

13. Барбашин М.Ю., Барков Ф.А., Васьков М.А., Волков Ю.Г., Сериков А.В., Черноус В.В. Законодательное собрание Ростовской области в зеркале социологии. Ростов н/Д., 2013. 76 с.

14. Волков Ю.Г., Вялых Н.А., Дегтярев А.К., Лубский А.В., Посухова О.Ю., Сериков А.В., Чернобровкин И.П. Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой. Ростов н/Д., 2015. 320 с.

15. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М., 2015. 336 с.

16. Volkov Y.G. The post-higher-school and additional professional education in Russia // Социологические исследования. 1997. № 9. С. 56–66.

13. Barbashin M.Yu., Barkov F.A., Vas'kov M.A., Volkov Yu.G., Serikov A.V., Chernous V.V. Zakonodatel'noe sobranie Rostovskoy oblasti v zerkale sociologii. Rostov n/D., 2013. 76 s.

14. Volkov Yu.G., Vyalyh N.A., Degt'yarev A.K., Lubskiy A.V., Posukhova O.Yu., Serikov A.V., Chernobrovkin I.P. Cennostnaya politika i institucional'nye praktiki v sfere mezhethnicheskikh otnosheniy v ekonomicheski razvitykh stranah so slozhnoy etnokul'turnoy strukturoy. Rostov n/D., 2015. 320 s.

15. Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaya / M.K. Gorshkov [i dr.]; pod red. M.K. Gorshkova, V.V. Petuhova. M., 2015. 336 s.

16. Volkov Yu.G. The post-higher-school and additional professional education in Russia // Sociologicheskie issledovaniya. 1997. № 9. S. 56–66.